

наказуемыми, чем совершение этих же деяний с умышленной формой вины по отношению к причинению таких повреждений.

Аналогична и ситуация, когда изнасилование или насильственные действия сексуального характера сопряжены с умышленным заражением ВИЧ: за заражение ВИЧ по неосторожности предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет, а за умышленное заражение по совокупности, например, с ч. 2 ст. 157 не будет превышать 7 лет лишения свободы, с ч. 3 ст. 157 – 10 лет лишения свободы.

Квалификация изнасилования, насильственных действий сексуального характера, повлекших по неосторожности иные тяжкие последствия, также является проблемной. Согласно ч. 2 п. 13 Постановления № 7 иными тяжкими последствиями могут признаваться, в частности, психическое расстройство здоровья, венерическое, другое как излечимое, так и неизлечимое заболевание, прерывание беременности, самоубийство, гибель при попытке спастись.

Так, например, изнасилование или насильственные действия сексуального характера, повлекшие по неосторожности заражение венерическим заболеванием, будут наказываться лишением свободы на срок от 8 до 15 лет. Если же при совершении указанных деяний имелся умысел на заражение венерическим заболеванием, то окончательное наказание по правилам ч. 2 ст. 72 не может превышать 7 лет лишения свободы.

Несмотря на многочисленные изменения, вносившиеся в УК, данный закон остается несовершенным. И, возможно, законодателю стоит принять во внимание некоторые предложения уголовно-правовой науки по внесению изменений в УК.

Таким образом, представляется целесообразным дополнить ст. 166, 167 частью 4, которая будет предусматривать повышенную по сравнению с предыдущими частями ответственность за умышленное причинение тяжких телесных повреждений или иных тяжких последствий при совершении указанных выше преступлений, скорректировав санкции ч. 3 ст. 166, 167.

Хаткевич М. Е.

КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Хаткевич Михаил Евгеньевич, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
mi hail.hatkevich01@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Наш мир меняется и вместе с ним необходимо совершенствовать законодательство. Появляются новые особенности, изобретения, требующие уголовно-правовой охраны. Например, таковым является вопрос квалификации криптовалют, получивших распространение в современных экономических отношениях.

Криптовалюты – это виртуальные валюты, не имеющие материального воплощения. Она существует только в рамках блокчейна и хранится на криптокошельках. Транзакции, т. е. все перемещения токенов с одного

криптокошелек на другой должны быть подписаны системой электронным образом и размещены в блоках, образующих блокчейн.

С позиции гражданского права криптовалюты не подпадают ни под один пункт ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), и их нельзя признать имуществом как таковым, поскольку ГК подразумевает под имуществом нечто материальное, а криптовалюта, как и виртуальное имущество, нематериальна. Ситуация изменилась с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», где дано разъяснение, что такое криптовалюты, но декретом не определяется, к какому виду объектов гражданских прав относятся криптовалюты. Криптовалюты – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в цифровом обороте в качестве универсального средства обмена.

Пункт 3 Приложения 1 к Декрету № 8 предполагает под владельцем криптовалюты (цифрового знака) субъекта гражданского права, которому криптовалюты принадлежат на праве собственности или ином вещном праве. Поскольку право собственности характерно для имущества и предполагает владение, пользование и распоряжение, то можно говорить о том, что криптовалюты являются имуществом.

Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 16 марта 2018 г. № 16 «Об утверждении национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности “Цифровые знаки (токены)” и внесении дополнений и изменений в некоторые постановления Министерства финансов Республики Беларусь»), утверждает Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (криптовалюты)», который оперирует понятиями «стоимость токенов», «обязательства, возникшие при размещении собственных токенов», «созданные организацией токены»; в Стандарте раскрываются понятия аудита, бухгалтерского учёта, обязательств, и т. д. через понятие токена.

Исходя из вышесказанного, можем сделать вывод, что законодатель относит криптовалюты к имуществу.

Квалификация преступлений связанных с nezblimym завладением криптовалютами остается проблематичной. Однако мы можем предположить, что завладение криптовалютами, как и виртуальным имуществом, возможно квалифицировать по ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК), как хищение путем модификации компьютерной информации, что предполагает умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом с корыстной целью посредством противоправного изменения компьютерной информации либо внесения в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации (примечание к ст. 208 УК, п. 20 постановления Пленума Верховного Суда от 21 декабря 2001 г. № 15).

Под компьютерной информацией понимается информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, обрабатываемая компьютерной системой либо передаваемая в пространстве с помощью любых программно-технических средств (ч. 18 ст. 4 УК).

Для возможности квалификации хищения криптовалют, например по ст. 212 УК, необходимо наличие механизма хищения:

- 1) криптовалюта должна выбыть из обладания владельцем;
- 2) криптовалюта должна перейти в беспрепятственное владение злоумышленника.

Также одним из главных оснований такой квалификации является то, что данное преступление возможно только посредством компьютерных манипуляций. Поскольку криптовалюта это цифровой знак, то никаким другим способом как компьютерными манипуляциями изъять криптовалюты не представляется возможным.

Необходимо упомянуть, что данные деяния тесно связаны с преступлениями против компьютерной безопасности, особенно в частности ст. 349, 350 и 352 УК. Однако, на наш взгляд, квалификация рассматриваемых деяний по совокупности со ст. 212 УК не требуется, так как в диспозиции данной статьи уже предусмотрено подобное деяние как способ завладения имуществом.

Шалегин С. П.

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СТ. 328 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Шалегин Степан Павлович, студент 2 курса Северо-Западного института (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Россия, stepan.shalegin@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Герасимова Е. В.

21 сентября был издан Указ Президента Российской Федерации № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». 24 сентября Президентом РФ был подписан пакет поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) о мобилизации и военном положении. Однако до настоящего времени обязанность прибыть по повестке есть, а ответственности за уклонение от нее нет. На данный момент составы, предусмотренные главой 33 УК РФ, к уклонистам от мобилизации не могут быть применены. Из названия главы «Преступления против военной службы» следует, что субъектами данного преступления могут быть лишь находящиеся в российской армии военнослужащие, а не граждане, которые пока не в рядах вооруженных сил.

В данный момент ответственность за неявку по повестке в период мобилизации предусмотрена лишь ст. 21.5 «Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету» и ст. 21.6 «Уклонение от медицинского обследования» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Диспозиция ст. 328 УК РФ предусматривает ответственность за уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы. Однако пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об